

ЛИТЕРАТУРА

1. Боринштейн Е. Р., Кавалеров А. А. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. – Одесса: Астропринт, 2001. – 168 с.
2. Воркачѳ С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачѳ // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
3. Голев Н. Д., Замилова А. В. Лингвосоционическая типология языковой личности и возможности ее применения в личностно-ориентированном обучении / Н. Д. Голев, А. В. Замилова // Электронный журнал: Вестник Кузбасской педагогической академии. Раздел: Филологические науки. Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/39/>
4. Ильенков Э. В. Так что же такое личность / Э.В. Ильенков // С чего начинается личность? – М., 1979. – С. 216.
5. Карасик В. И. Дискурсивная персонология / В.И.Карасик. // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 78-86.
6. Караулов Ю. Н. На уровне языковой личности / Ю. Н. Караулов // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. – Вып. 164. – М., 1985.– С. 12-18.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.4-е, стереотип. / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
8. Леонтьев А. А. Личность, деятельность, образование / А.А. Леонтьев // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 7-12.
9. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. Вып. 426. – М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – С. 112-116.
10. Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С. Е. Никитина. // Язык и личность: Сб. статей / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – С. 34-40.
11. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
12. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / Халеева И. И. // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М., 1995. – С. 277-285.

УДК 81'373.611

Нина Тропина
(Херсон)**МИРОВИДЕНИЕ И МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ:
НОВАЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ**

Становлення нової технократичної моделі метафори розглядається як результат виникнення нового технократичного світобачення, нового технократичного стереотипу світосприйняття.

Ключові слова: типологія метафор, метафорична номінація, мовна картина світу, стереотипи світосприйняття.

The article focuses on the formation of a new technocratic model of metaphor as the result of a new technocratic world view, a new technocratic stereotype perception of the world.

Key words: typology of metaphors, metaphorical nomination, language world, world perception stereotypes.

Одним из достижений антропоцентрической парадигмы языкознания является изучение метафоры не только и не столько как художественного тропа, но как средства номинации и когнитивного освоения действительности в "обычной" жизни, в науке (в публицистике метафора приближается к художественной, поскольку чаще всего выполняет

не только номинативную, но и эмоционально-воздействующую функцию). В когнитивной лингвистике изучение метафор стало едва ли не преобладающим направлением исследований: детально разработаны и активно используются на практике методы и приемы ее описания.

Взяв на вооружение и разрабатывая идею "языковой картины мира", выдвинутую первым философом и теоретиком лингвистики В. фон Гумбольдтом в первой половине 19 в., современная лингвистика активно исследует, как менталитет того или иного этноса закрепляется в "привычных", трафаретных метафорах, как метафорически моделируется мир. "Своеобычность" усматривается в том, какие сферы-доноры и сферы-реципиенты сопрягаются, какие признаки объектов "высвечиваются" в процессе метафоризации в различных языках и культурах. Вместе с тем, давно замечено, что национальная специфика в узуальных метафорах и индивидуально-авторское своеобразие в художественных метафорах проявляются на достаточно "дробном" уровне выделения сопрягаемых в процессе метафоризации сфер действительности (В. Гак) [2]; чем выше уровень обобщения, тем отчетливее проявляются общечеловеческие типы метафоризации, что дало основания назвать их С. Ульману панхроничными, т.е. присутствующими у всех народов во все времена – это метафоры зооморфные, антропоморфные, пространственные, синестезические [15]. Все более "дробные" типы могут быть сведены к этим архетипам.

Исследования номинативных метафор русского языка второй половины 20 – начала 21 в., на основе которых возникли новые узуальные значения слов, зафиксированные словарями неологизмов, а также анализ различных текстов (художественных, публицистических, научных) этого периода, дают основания предположить, что появилась новая модель метафоризации, активность функционирования которой позволяет утверждать, что (по крайней мере, в русском языке) наблюдается рождение нового архетипа метафор, ср.: *машина власти, работать в полнакала, приемопередатчики китов, подключиться к проблеме*. Этим новым архетипом, по нашему мнению [12; 13; 14], является технократический архетип, на основе которого появляются новые узуальные и индивидуально-авторские метафорические номинации. Суть этой метафоры заключается в том, что сферой-донором, сферой-поставщиком при такой метафоризации выступает техническая сфера – технические устройства, действия техники, свойства техники. Этот молодой архетип антонимичен антропоморфному и зооморфному архетипам метафор. Думается, что объяснить феномен появления нового продуктивного типа метафоризации можно исходя из постулата о том, что при метафоризации задействованы сложные когнитивные процессы, коллективное бессознательное и стереотипы мировосприятия, имеющие цивилизационно-исторические и этнические основы, меняющиеся вместе изменениями действительности, в которой существует все человечество и определенный этнос. В недрах традиционных типов цивилизации возникли стереотипы мировосприятия, при которых "мерилом" были либо природа – живая и неживая, включая животный мир, либо сам человек как существо биологическое, психическое и социальное. Такие стереотипы мировосприятия (мировидения) породили традиционные типы метафор, названные С. Ульманом, как уже говорилось, панхроничными.

Вместе с тем, по свидетельству историков, социологов, политологов, начиная с 17-18 вв. новой эры в рамках традиционной западной цивилизации "начала разбег" цивилизация техногенная, а во второй половине 20 в. она охватила все человечество [11, с. 4]. "Техногенная цивилизация (буквально – цивилизация, порожденная техникой) – современное состояние цивилизации, обусловленное развертыванием научно-технического прогресса. Наука и техника являются основой техногенной цивилизации, источником ее развития, средством решения любых возникающих в обществе проблем" [11, с. 7].

Характерными чертами техногенной цивилизации являются 1) быстрое изменение техники и технологии благодаря систематическому применению в производстве научных знаний; 2) как результат слияния науки и производства произошла и научно-техническая революция, существенным образом изменившая взаимоотношения человека и природы, место человека в системе производства; 3) ускоряющееся обновление той искусственно

созданной человеком предметной среды, в которой непосредственно протекает его жизнедеятельность" [8]. На базе техногенной цивилизации сформировалось два типа общества – индустриальное общество и постиндустриальное общество. Техногенная цивилизация характеризуется быстрыми темпами протекания: на протяжении одного-двух поколений происходит изменение образа жизни и формирование нового типа личности [8].

Неизбежным порождением техногенной цивилизации является возникновение технократического мышления и новых стереотипов мировидения. Технократическое мышление определяется как особый тип мышления, свойственный прежде всего инженерно-технической интеллигенции, при этом такое мышление затрагивает не только область техники, производства, но распространяется на модели управления обществом и государством. Возникает технократизм – "распространенный в западной общественной мысли принцип объяснения общественного развития, согласно которому власть в обществе должна принадлежать технократам – носителям технического прогресса, высшим слоям технических специалистов" [10]. "Технократическое" мировидение постепенно перерастает границы техники, перестает быть прерогативой "касты" технократов, пытающихся построить логически выверенные, научно обоснованные модели управления государством, обществом, производством, модели, где названные институты уподобляются технике и работа которых просчитывается подобно работе техники. Технократическое мировидение, при котором окружающий мир – макрокосм и самого себя – микрокосм человек начинает представлять, объяснять, "видеть" как подобное технике, становится частью и художественного и обыденного сознания – возникает технократический стереотип мировосприятия, постепенно "захватывающий" все большее и большее пространство. Техника становится не только помощником человека, но и предметом его научно-художественных фантазий. Еще в 19 в., в 1869 г. появляется знаменитое научно-фантастическое произведение Ж. Верна "2000 лье под водой", где техника – фантастическая подводная лодка – служит человеку. Однако уже в романах Г. Уэллса технический прогресс не только расширяет возможности человека, но и закладывает основы социальных конфликтов ("Война миров", "Машина времени"), а у Р. Ролана техника уже перестает подчиняться воле человека, бунтует ("Бунт машин, или Распоясавшаяся мысль", 1921) – т.е. открывается путь к восприятию техники как соперницы человека, пытающейся вырваться из его подчинения. Восприятие техники как некоего подобия человека, ее "одухотворение" позволило сделать следующий шаг, повернуть вектор метафоризации от традиционных типов в противоположную сторону: не технику уподоблять человеку, а человека уподоблять технике. И такой шаг был сделан – появилось мировосприятие, которое мы назвали "технократическим".

Порождением, "выходом во вне" технократического мировосприятия являются технократические метафоры, появившиеся в художественном, политическом, социальном, научном, обыденном (бытовом) дискурсах. Ю.С. Сорокин, исследователь развития словарного запаса русского литературного языка 19 в., отмечает использование в "нетехнических" значениях таких слов, как *аппарат*, *буксир*, *буфер*, *калибр*, *тормоз*, *механизм*, *машина*, *механический*, *механика*, уже в 19 в. [9]. Это дает основание считать, что именно в этом веке зарождающийся стереотип нового технократического мировосприятия начинает отражаться в языке, вносить новые краски в языковую картину мира русского этноса. Таких "нетехнических употреблений" технических слов пока немного, но они присутствуют в русском языке. Так, уже в 19 в. стали говорить не об *общественном организме*, а об *общественном механизме*, *машине власти*, *государственном механизме* [9]. (Отметим в скобках, что необычность, метафоричность лексемы *механизм* в нетехническом значении к настоящему времени стерлась. Ср.: "*Сегодня бюрократическая машина независимой Украины разрослась больше, чем это было в советские времена, а эффективность ее работы ниже*". – А. Свистунов, "Новый день", 21.03.2002.)

В 20 в. технократическая метафора становится более активной. Так, в "Марше авиаторов", написанном в начале XX в. (П. Герман, 1923 г.), сердце характеризуется как пламенный мотор:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
 Преодолеть пространство и простор,
 Нам разум дал стальные руки-крылья,
 А вместо сердца – *пламенный мотор*.

Но если в начале 20 века это – художественная метафора-перевертыш, в которой образ человека и самолета сливаются: у самолета *руки-крылья*, а у человека *сердце – пламенный мотор*, то в конце 20 в – начале 21 в. уподобление человека и его органов технике широко встречается не только в обыденных дискурсах сниженного регистра, в общем сленге, в социально дифференцированных субкодах языка, но и в дискурсах публицистических, агитационно-политических, где эти метафоры совмещают номинативную функцию с оценочной, воздействующей, фатической. Так, от нездорового человека можно услышать, что у него "*барахлит мотор*", "*моторчик пошаливает*", жалобы на болезнь суставов могут быть иронично звучать как "*шарниры заедает*". Один из политиков областного масштаба в предвыборной агитационной статье, чтобы подчеркнуть свою работоспособность и целеустремленность, говорит о себе "*Я – машина, нацеленная на выборы*", трудности продюсерской работы описываются как трудности вождения машины – "*...иногда разрулить ситуацию не получается, певица таки умудряется удрать из поднадзорного гостиничного номера и заявляется, к общему изумлению, на пресс-конференцию*". – Дарья Донцова, "Лягушка Баскервилей".

Появившееся в 19 в. нетехническое значение слова механизм стало использоваться для номинации любых, как правило, сложных действий, явлений, органов. Ср.: "*Так, ряд медицинских генетиков утверждают: механизм действия фолиевой кислоты до конца не изучен, а потому добавлять ее в рацион всей популяции нельзя*".- "Зеркало недели", 8.03.2002; "*У всех животных есть механизмы, запрещающие сексуальные отношения между родственниками, – это необходимо, чтобы избежать дефектного потомства*". – "Московский комсомолец", 29.11-6.12.2001; "*Я совершенно убежден, что между этой возней и отсутствием жизнеспособного гражданского механизма есть прямая связь*". – Ю. Пахомов. Утомленные властью // "Московский комсомолец", 29.11.-6.12.2001.

Привычные современному человеку технические образы помогают описать сложные биологические процессы (здесь как раз проявляется антонимичность стереотипов – не техника уподобляется живой природе, человеку, а человек и живое, биологическое, уподобляется теперь более понятной человеку технике): "*Недавно появились данные о новом методе химиотерапии злокачественных опухолей американскими учеными. Они используют фолиевую кислоту в качестве "буксира" для доставки лекарств раковым клеткам*".- "Зеркало недели", 8.03.2002. Или: "*Оказалось, что они (клетки) свободно перемещаются до тех пор, пока не встретятся с соседними клетками, Обнаруженное явление получило название контактное торможение*". – Евгеньева Т. Как двигаются клетки // Наука и жизнь, 1975, № 8, с. 33. Даже изучение генома человека стало именоваться словами из технической сферы: "*Генная инженерия служит человеку: она заставляет болезнетворные организмы синтезировать недостающие нам при заболеваниях белки, витамины, гормоны...*". – "Московский комсомолец", 19.11-6.12.2001.

Ср., так же, как ученые популярно описывают "устройство" морских млекопитающих:

Локаторы морских млекопитающих куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд;

Приемопередатчик китов работает направленно, и когда они исследуют окружение, им приходится вращаться наподобие радарной антенны;

Возможно, ночью "передатчик" кита работает лучше. – Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле. Властелин морей // Наука и жизнь, 1975, № 8, с. 103 – 104.

В публицистических текстах, посвященных характеристикам политических и финансовых событий, очень активно используются лексемы *технолог*, *технология* и производные от них *политтехнология*, *политтехнолог*. Ни один крупный политический деятель, ни одна партия не обходиться без советов и помощи политтехнологов. Ср.:

"Пресловутые **политтехнологии** и черный пиар были испытаны на практике". – "Интер", 30.03.2002. "Сегодня политическая борьба – это не Нагорная политическая проповедь, а страшная схватка аналитических группировок, поединок **технологий**". – "Товарищ", №36, сентябрь 1999 г.

Политико-публицистический дискурс активно прибегает и к другим лексемам из технической сферы для характеристики отнюдь не технических явлений. Ср.:

"Мало кто знает, что Чехия давно уже превратилась в транзитную зону **перекачки** денег из России на Запад".- "МК", 13-20.12.2001;

"На 2002 год Путин и К0 запланировали **запуск** множества самых разнообразных реформ: коммунальной, судебной, социальной...".- "МК", 29.11-6.12.2001;

"Однако едва ли эксперты МБРР догадывались, какими методами местные власти будут **разруливать** эту проблему" (о проблеме перенаселенности Норильска). – "МК", 29.11-6.12.2001.

На рубеже 20-21 веков технологиями стали все сложные действия. Педагоги в наше время разрабатывают **технологии** обучения, воспитания, напр., разрабатываются **технологии** обучения русскому языку в национальных школах. Ср.: "**Технологии, методики, приемы** так называемого **"лингвистического программирования"** воздействуют сегодня на общественное сознание так, как это было предписано известной установкой А. Даллеса..." ("Товарищ", № 36, сентябрь 1999 г.). Даже артисты владеют не мастерством, а технологиями: "**У высококлассных артистов, владеющих технологией, этот процесс происходит прямо на глазах у зрителей – они так свободно импровизируют, как будто им кто-то диктует сверху**".- "МК", 19.11-6.12.2001).

Примеры использования технических слов для номинации нетехнических явлений можно множить: такие номинации используются очень широко. Активность использования технократических метафор как в номинативной, так и в художественной функции в различных дискурсах – научном (как в собственно-научном, так и в научно-популярном), политическом, публицистическом, художественном, бытовом – русского языка дает нам основание утверждать, что в процессе становления находится новый тип метафорической номинации (как узуальной, так и индивидуально-авторской) – технократический тип метафоризации, базирующийся на новом технократическом стереотипе мировосприятия, возникшем в результате смены традиционной цивилизации цивилизацией техногенной, утверждать, что языковая картина русского этноса приобретает технократические (или техногенные?) черты.

В настоящее время новый технократический тип метафорической номинации в русском языке пока только начинает изучаться [12; 13; 14; 15] и требует детального всестороннего описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 147 – 62.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
3. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации – М.: Экспресс, 1993. – 576 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
5. Миронов А.В. Технократизм – вектор развития глобализации. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 132 с.
6. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
7. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. Учебное пособие. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289 с.

8. Пархоменко И.Т., Радугин А.А. Культурология в вопросах и ответах. – М.: Центр, 2001. [Электронный ресурс] / И.Т. Пархоменко. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/civilis/civt.htm>
9. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. XIX в. – М.: Наука, 1965. – 565 с.
10. Социологический словарь. Технократизм [Электронный ресурс] / Технократизм. – Режим доступа: http://mirslouvrei.com/content_soc/technokratizm-10591.html
11. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.
12. Тропина Н.П. Константы и новые векторы метафорической деривации русского языка // Teaching / learning paradigm of foreign languages / International Conference Materials/ November 15, 2002. – Šiaulių universiteto leidykla. – 2002. – P.195-198.
13. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография). – Херсон, Изд.- во ХГУ, 2003. – 332 с.
14. Тропина Н.П. Языковая картина русского этноса на рубеже столетий: сдвиг стереотипов / Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ, том 4, Heron Press, София, 2007. – С. 379-385.
15. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 5: Языковые универсалии. – М.: Радуга, 1970. – С. 250-293.

УДК 81-139

Александра Ховалкина
(Симферополь)

ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ – НАУЧНОЕ И ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО Л.В. ЩЕРБЫ И Н.М. ШАНСКОГО

У статті розглядаються й зіставляються біографічні дані двох російських учених, які відіграли вирішальну роль у визначенні напрямку освіти в школі й виші.

Ключові слова: наукова й викладацька діяльність, вітчизняні освітні традиції, практична спрямованість.

This article is considered and confronted biographical facts of two Russian scientists who played decisive role in the definition of the direction of education in school and institute of higher education.

Key words: science and educational work, native tradition of education, practical orientation.

Тезис, вынесенный в название доклада, представляет собой умозаключение, сделанное в результате пристального интереса к жизни и деятельности двух русских учёных-лингвистов, широко известных как академической науке, так и практике отечественного образования.

Их общность определена их славянским происхождением, принадлежностью к русской истории, русской науке, к собственно русистике. По периодизации жизненного пути Н.М. Шанский – младший современник Л.В. Щербы, по преемственности – ученик не только в самом общем смысле, но и через посредство В.В. Виноградова, учившегося у Л.В. Щербы и учившего Н.М. Шанского. Уже одним этим фактом определяется преемственность в русистике на рубеже двух эпох и направление её развития в постреволюционной России.

Объектом нашего рассмотрения, таким образом, является одна из сторон личностей двух учёных-славистов, **предметом** – практическая направленность их деятельности как определяющее свойство их человеческого призвания, **целью** – осмысление их устремлённости к широкой практической деятельности как проявление традиций